

ва ситуации оргии, надо принять как факт свою постоянную инаковость (или чуждость) по отношению к самому себе и постараться стать в себе самом Другим.

Баландина Г. Ю.,
(БУПК, Белгород)
Жалдак Н.Н.
(БелГУ, Белгород)

Б. А. Кистяковский о рациональном и иррациональном в праве и классификация терминологических возможностей

История философии права дает полезный материал для рационального правотворчества в современных условиях. Интересны в этом смысле соображения Б.А.Кистяковского, связавшего методологию социальных наук с общей теорией права о рациональном и иррациональном в праве. Это двоякий интерес: с одной стороны, следует учитывать собственные позитивные результаты Кистяковского, с другой стороны, он намечает основания для классификации терминологических возможностей, которые могут быть продуктивно реализованы для последующей систематизации философско-правового знания. Исследуя материал истории философии права, можно несколько отстраниться от тех обязательств, которые накладывает современная парадигма, а вместе с ней и словоупотребление, принятое современным сообществом. Авторы рискуют осуществить некоторое отступление от придания терминам тех специализированных значений, которые придаются общеупотребимым терминам относительно узкой группой специалистов в пользу того значения, которое они имеют в общенаучном употреблении или даже в массовом сознании. Однако рефлексия и взгляд со стороны – это нормально для философско-правовой работы.

Кистяковский считал, что его исследование рационального и иррационального в праве представляет собой анализ логических рациональных и иррациональных элементов права. Право состоит из норм или получает свое выражение в нормах. Нормы являются результатом разумной деятельности человека и имеют общий характер, являются общими высказываниями. Правовая норма имеет внутреннюю и внешнюю логическую общность. Эта общность роднит ее с логическим понятием, но она сложнее простого понятия.

Рациональное, пишет Кистяковский, составляет самую существенную черту правовой нормы. Это рациональное очень сложно и многообразно, так как по своему содержанию норма всегда состоит не из одного, а из нескольких понятий. Поэтому и выводы, получаемые из правовой нормы, даже чисто логическим путем, бывают различными и порождают споры между юристами. Следовательно, в количественном отношении, отмечает он, правовая

норма более рациональна, чем понятие, но в качественном отношении рациональное представлено в ней не в столь чистом виде, как в понятии. Правовая норма является более сложным продуктом духовной деятельности человека, чем просто понятие, и потому элементы, составляющие ее, отличаются большим разнообразием.

Понятия в правовых нормах в соответствии с теми целями, которым они служат, приобретают иной характер, чем научные понятия, они в большей степени связаны с социальными, этическими, психическими переживаниями. Такого рода переживания концентрируются и заостряются в убеждении, что они должны осуществляться. Правовые нормы живут не только в сознании всех членов общества, но и в массе единичных случаев, что может рассматриваться как воплощение правовых норм. Это придает их существованию многообразные проявления и формы, что не свойственно научным понятиям. Кистяковский считает, что основу восприятия правовых норм составляют душевные переживания, которые иррациональны, и в этом их основное отличие от чисто интеллектуальных логических процессов. Однако известно, что и законы принимаются под влиянием душевных переживаний масс.

Кистяковский подробно рассматривает дефиниции объективного и субъективного права. Под объективным правом он понимает совокупность норм. Субъективным правом считает право в его осуществлении, то есть как жизненное явление. Он отмечает, что, исследуя субъективное право, юристы всегда сводят его к ряду общих понятий о субъективном праве и этим путем стирают разницу и противоположность между субъективным и объективным. В то время как объективное право, в силу того, что оно есть совокупность норм, состоит из ряда явлений, которые по самой своей природе родственны понятиям, субъективное право состоит из ряда явлений, которые по своей природе прямо противоположны понятиям. В конкретной жизни субъективное право представлено в виде многих правовых отношений или прав и обязанностей членов общества. Все эти правоотношения конкретны, единичны и индивидуальны, каждое из них имеет свойственные черты, составляющие его особенность.

Таким образом, пишет Кистяковский, если мы возьмем субъективное право таким, каково оно в жизни, то признаем, что это право всегда представляет из себя конкретную совокупность единичных правоотношений и индивидуальных прав и обязанностей, существующих в том или ином обществе в определенный момент времени. Следовательно, по своей логической природе субъективное право прямо противоположно объективному.

Объективное право — это совокупность рациональных продуктов духовной деятельности человека, субъективное право — совокупность жизненных фактов, имеющих правовое значение. И каждый такой факт в своей индивидуальности и неповторимости есть явление иррациональное, только весьма приблизительно можно говорить о том, что в каждом таком факте воплоща-

ется та или иная правовая норма. (Чтение трудов Кистяковского оставляет ощущение, что правостроительство общества переживало в некотором роде свою молодость и вызывало больше надежд, чем могло быть оправдано. Последующие исследования показали, что утверждение права в любых его формах не есть абсолютно рациональное действие в любом смысле).

Субъективное и рациональное, объективное и иррациональное в праве у Кистяковского слишком отождествляются. Рациональность правотворчества даже в логическом отношении не является абсолютной. Объективное право оказывается не вполне реализуемым, благодаря своей нерациональности, и не только в каких-то других отношениях, но и именно в логическом. Современность, да и предшествующие десятилетия, богаты опытом, когда реализация «объективного права» делала бы невозможным эффективное функционирование субъектов экономической деятельности. Своеволие этих субъектов отчасти является преступным, но отчасти является как раз рационализацией, более разумным подходом к нормам взаимоотношений между людьми, чем предлагается «объективным правом». Это пример того, что основания для различения чего-либо в действительности, вводимые ученым, бесспорно важны, но недостаточно разведены в качестве существенно разных оснований.

Рационализация правоотношений путем нахождения соответствующих правовых норм сама есть возведение в общие нормы определенных фактов того, что Кистяковский называет субъективным правом. Однако нельзя считать рациональным возведение во всеобщую норму того, что не опробовано опытом.

Кистяковский обращает внимание на то, что факты, из которых состоит субъективное право, постоянно меняются, одни правоотношения возникают, другие исчезают. В этом процессе постоянно меняющихся правовых явлений постепенно и медленно нарождаются и принципиально новые правовые образования. Рационализация их путем нахождения соответствующих правовых норм наступает часто значительно позже их возникновения. Фактически возникающее право существует, следовательно, некоторое время только в виде иррациональных правовых фактов. И здесь существует новое проявление несовпадения осуществляющегося субъективного права в его конкретной действительности с объективным правом. Поэтому, утверждает Кистяковский, надо признать фикцией отождествление права, заключающегося в правовых нормах, с правом, осуществляющимся в жизни в правовых отношениях и в индивидуальных правах и обязанностях. Теоретики права, подчеркивает он, часто грешат такого рода отождествлением, и во всех этих случаях критерием для решения того, что такое право, является право, осуществляющееся в жизни, или правовые факты, а не право, заключающееся в правовых нормах.

Понимание несовпадения субъективного права с объективным, считает Кистяковский, приводит к требованию индивидуализации при применении

объективного права, например, при судебных решениях. Если бы субъективное право не представляло нечто иррациональное и логически совпадало с объективным правом, то между ними существовало бы такое же отношение, как между родовым понятием и образом того класса вещей, который определяется этим понятием. Тогда применение права заключалось бы в простом подведении частного случая под общую норму.

Он отмечает, что в противоположность этому те, кто выдвигает требование индивидуализации как необходимого условия справедливого применения правовых норм, исходят из более углубленного понимания права, охватывающего его в целом. Таким образом, они принимают во внимание иррациональную природу осуществляющегося, субъективного права. При этом может возникнуть несовпадение общего значения правовой нормы с тем смыслом, который ей придается в особых конкретных случаях. Кистяковский утверждает, что это несовпадение, создаваемое индивидуализацией, не должно быть больше того, которое существует вообще между рациональным и общим, с одной стороны, и иррациональным и индивидуальным, с другой.

Обращая внимание на практическую значимость подобных теоретических построений, Кистяковский подчеркивает, что иррациональная сторона права привлекает к себе внимание и становится заметной только тогда, когда право подвергается исследованию во всех его проявлениях, а не только в виде системы понятий и общих положений об объективном и субъективном праве.

В своей концепции права Кистяковский делает вывод, что право, осуществляющееся в жизни, иррационально, и состоит из единичных, конкретных, индивидуальных правовых фактов. Здесь движение и развитие происходит от случая к случаю. Но и рациональный идеал, считает он, может быть реализован только в виде иррациональных фактов, и только они могут его действительно оправдать. Кроме того, поскольку правовая норма постоянна и консервативна, а жизнь непрерывно развивается, постольку отдельные иррациональные правовые факты могут являться предвестником новых правовых форм и правовых идей, которые поначалу оцениваются немногими.

Применение метода классификации терминологических возможностей требует, обнаружив основания, различаемые по языковому выражению, рассмотреть все возможные сочетания. При таком подходе становится ясно, что Кистяковский, рассматривая объективное рациональное и субъективное иррациональное, опускает объективное иррациональное и субъективное рациональное. Ощущая некоторое несоответствие, обнаруживая собственные опущения, он допускает рационализацию-объективацию некоторых положительных элементов субъективного иррационального.

Положение делается сложнее еще и тем, что по Кистяковскому иррациональность отождествляется с обоснованием на чувстве, а рациональность с обоснованием на логике. Дело в том, что соответствие чувствам (употребление слов, близких по значению, еще больше усложнит мыслимое многообразие возможностей) и соответствие разуму – это отнюдь не противополож-

ности. Кистяковский указывает и еще более богатый материал для классификации возможностей. Наряду с логически рациональным в праве он называет также технически рациональное и иррациональное, т. е. целесообразное и нецелесообразное, этически рациональное и иррациональное, т. е. доброе и злое, и философско-исторически рациональное и иррациональное, т. е. осмысленное или бессмысленное. Перечисленные основания для классификации видов рационального представляются не вполне самостоятельными. Встает, например, вопрос: «Действительно ли осмысленное в общепринятом смысле может быть противопоставлено логически рациональному?». Кистяковский утверждает, что в основании различия между рациональным и иррациональным лежит логически рациональное и иррациональное. Однако определяющей в разумности и в рациональности является эффективность деятельности, а логичность является лишь средством обеспечения эффективности. Современность как раз и заставляет различать в первую очередь: служит ли право эффективной организации жизни общества эффективному использованию обществом природных ресурсов или не служит.

Литература

1. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. – СПб., 1998.

Гричаникова И.А.
(БелГТАСМ, Белгород)

Нравственная культура современного инженера

Современный уровень развития техники и технологий, нарастание информационных потоков, ускорение социокультурных процессов, сопровождающиеся социальной нестабильностью и напряжённостью, предъявляют к современному человеку всё более высокие требования. От того, насколько будут продуманы все возможные последствия его деятельности, взвешены плюсы и минусы полученных результатов, какой смысл вкладывается самим человеком в свой труд, зависит не только успешность и эффективность современного высокосложного производства, но, зачастую, и жизни людей, характер развития и существование самой цивилизации.

Включаясь в высокотехнологические процессы, подчиняя себе сложные многоуровневые системы, отдельно взятый человек теряет право на проявление бездумного исполнительства, невнимания, халатности. В противном случае результатами его ошибок становятся различные по масштабам техногенные катастрофы, по сравнению с которыми все природные катаклизмы – землетрясения, наводнения, смерчи и ураганы вместе взятые – выглядят бурей в стакане воды. Некоторые философы и теологи даже склонны считать,